УДК 1.130.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22

РОГОЧАЯ Галина Петровна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
rogochayagp@rambler.ru

Galina P. ROGOCHAYA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
rogochayagp@rambler.ru

САВВА Елена Владимировна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
ev.savva@yandex.ru

Elena V. SAVVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
ev.savva@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РОССИЙСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ В ОСМЫСЛЕНИИ ФИЛОСОФОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

CULTURAL FACTORS OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS IN THE REFLECTION OF THE PHILOSOPHERS OF THE SILVER AGE

Осмысливая уроки российских революций начала XX века, полезным будет обратиться к творческому наследию философов Серебряного века. По мнению авторов, актуальными являются не только живые свидетельства непосредственных участников событий той эпохи. Еще большее значение имеет очевидное влияние социально-культурных факторов на модели протестного поведения больших социальных групп, которое проявилось во всех массовых протестах XXI века на планете. В связи с этим сохраняют актуальность также теоретические конструкты русских философов, трактующие события революций как прямое следствие особенностей культуры России. Современную эпоху и период начала XX века роднит состояние незавершенного транзита, перехода в новое качество, высокая скорость технологических и социальных изменений. Для философов Серебряного века было типично осознание качественных изменений общества. Эти изменения обособленно воспринимались как кризис. Для таких периодов характерен активный поиск ответов на вызовы времени, и в России начала прошлого века миссию формулирования этих ответов взяли на себя философы. Понимание культуры существенно изменилось в результате творчества представителей Серебряного века. Философия Серебряного века признала за народной бытовой культурой не просто право на существование, но и право стать объектом философского осмысления. Такая постановка проблемы оказалась продуктивной. Она привела к появлению нового вопроса о соотношении «верхних» и «нижних» слоев культуры вообще и русской культуры в особенности. Полноправное включение в вертикальную структуру культуры «нижнего» народного слоя позволило приступить к осмыслению культуры как целостного системного феномена. В результате общей идеей философии Серебряного века стало утверждение о недостатке в России «срединной культуры», объединяющей «верхнюю» и «нижнюю», служащей обязательным элементом системы культуры.

Comprehending the lessons of the Russian revolutions of the early 20 century, it would be useful to refer to the creative heritage of the philosophers of the Silver age. According to the authors the actual are not only living testimonies of direct participants in the events of that era. Even more important is the apparent impact of socio-cultural factors into models of protest behavior of large social groups, which is manifested in all the mass protests of the 21 century on the planet. In this regard, the relevant theoretical constructs of Russian philosophers, interpreting the events of the revolution as a direct consequence of the peculiarities of Russian culture. The modern era and the beginning of the 20 century unites the unfinished state of transit, of transition to new quality, high speed of technological and social change. For philosophers of the Silver age was typical of the awareness of a qualitative change of society. These changes are rightly perceived as a crisis. For these periods characteristic of the active search of answers to the challenges of the time, and Russia at the beginning of the last century, the mission of formulating these responses took on the philosophers. The understanding of culture has changed significantly as the result of creative work of the representatives of the Silver age. The philosophy of the Silver age acknowledged for the people's household culture is not just the right to exist, but also the right to become the object of philosophical reflection. This formulation of the problem proved to be productive. It led to the emergence of a new question of the relation between "upper" and "lower" layers of culture in General and Russian culture in particular. Full inclusion in the vertical structure of the culture of the "lower" people layer making it possible to begin to understanding the culture as a whole systems phenomenon. As a result, the General idea of the philosophy of the Silver age was the allegation of a shortage in Russia of the "median culture", uniting the "upper" and "lower" as a mandatory element of the culture system.

Ключевые слова: культура, русская философия, консервативный либерализм, либеральный консерватизм, религия, мифология.

Keywords: culture, Russian philosophy, conservative liberalism, liberal conservatism, religion, mythology.

Осмысливая уроки российских революций начала XX века, полезным будет обратиться к творческому наследию философов Серебряного века. По мнению авторов, акту-

альными являются не только живые свидетельства непосредственных участников событий той эпохи. Еще большее значение имеет очевидное влияние социально-культурных факторов на модели протестного поведения больших социальных групп, которое проявилось во всех массовых протестах XXI века на планете. В связи с этим сохраняют актуальность также теоретические конструкты русских философов, трактующие события революций как прямое следствие особенностей культуры России. «В наши дни нередко можно услышать мнение о том, что все три российские революции - это своего рода страшное наваждение, "бесовщина", результат безответственных деструктивных действий революционеров, в первую очередь марксистов-большевиков, бездумно раскачавших великий государственный корабль и выпустивших из бутылки поистине страшного Джина - зависть, злобу и мелкие амбиции миллионов темных, находящихся во власти низменных инстинктов людей. Но при этом как бы остается в тени многовековая предыстория революционных катаклизмов, тот поистине страшный раскол, который стал системообразующим фактором всей нашей общественной жизни задолго до появления революционных и социалистических учений». Действительно, все три русские революции начала XX века, при всей их разнице, имели один общий фактор - это фактор культурного раскола, ставший актуальным особенно в послепетровскую эпоху, который и стал ключевым и решающим в развитии драматических событий тех лет. «Конфликт между обществом и государством, народом и властью, богатством и бедностью, городом и деревней, центром и окраинами - все эти явления, присущие в той или иной мере, на том или ином этапе исторического развития едва ли не всем цивилизованным странам, приобрел в России такую остроту и привел к таким последствиям, для которых трудно подыскать аналогии во всемирной истории» [16].

Современную эпоху и период начала XX века роднит состояние незавершенного транзита, перехода в новое качество, высокая скорость технологических и социальных изменений. Для философов Серебряного века было типично осознание качественных изменений общества. Эти изменения обоснованно воспринимались как кризис. Для таких периодов характерен активный поиск ответов на вызовы времени, и в России начала прошлого века миссию формулирования этих ответов взяли на себя философы.

Социальные изменения Серебряного века достаточно очевидно проявились в сфере культуры. Кроме того, именно в этой сфере были наблюдатели, способные не только фиксировать, но также анализировать динамику. Изменения культуры были настолько значительными, что для этого периода актуализировался вопрос о самом содержании культуры. Один из видных представителей Серебряного века поэт Андрей Белый точно сформулировал данную потребность: «...вырастает потребность точнее определить, что такое культура; до настоящего времени, сталкиваясь с проблемой культуры в обиходе нашей мысли, мы сталкивались с чем-то самоочевидным, не поддающимся определению; более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил самую культуру в вопрос; разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства, истории и религии» [1, с. 18]. Интерес к феномену изменяющейся культуры был характерен также для других представителей Серебряного века, которые формировали собственные подходы к его пониманию.

Философы русского Серебряного века сформулировали и приступили к решению проблемы, ставшей одной из ключевых в XX столетии и во многом определившей направление развития научной мысли. В конце XX века по-прежнему актуально публицистически-страстное утверждение Н.А. Бердяева: «В жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляют-ся цели общества» [3, с. 523].

Понимание культуры существенно изменилось в результате творчества представителей Серебряного века. Философия Серебряного века признала за народной бытовой культурой не просто право на существование, но и право стать объектом философского осмысления. Такая постановка проблемы оказалась продуктивной. Она привела к появлению нового вопроса о соотношении «верхних» и «нижних» слоев культуры вообще и русской культуры в особенности. Полноправное включение в вертикальную структуру культуры «нижнего» народного слоя позволило приступить к осмыслению культуры как

целостного системного феномена. В результате общей идеей философии Серебряного века стало утверждение о недостатке в России «срединной культуры», объединяющей «верхнюю» и «нижнюю», служащей обязательным элементом системы культуры. Об этой особенности России не раз писали Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Л. Франк и др. Данная черта русской культуры осмысливалась, по справедливому замечанию Н.О. Лосского, как «отрицательная сторона русской жизни» [7, с. 338]. Недостаток «срединной культуры» органически связан с недостатком среднего класса. Известен тезис Н.А. Бердяева о русском народе как самом небуржуазном народе в мире. Не случайно в русской литературе того периода так и не был создан положительный образ буржуа. Эта задача начала решаться лишь в новейший период истории России, главным образом средствами кинематографа.

Вывод о слабости срединной культуры и, соответственно, недостаточной развитости среднего класса в России имеет прикладное значение. Общеизвестно положение современной социологической науки о том, что именно средние слои обеспечивают стабильность общества. Однако на позитивную творческую роль «средних элементов» (терминология источника) в социокультурном плане очень верно, на наш взгляд, указал такой представитель Серебряного века, как П.Б. Струве. Суть этой позитивной роли состоит в обеспечении иерархической преемственности, без которой немыслимо существование национальной культуры. П.Б. Струве указывал, что «средние элементы есть культурно наиболее зрелые элементы того же народа, из него питающиеся и из него вырастающие» [11, с. 397]. Похожую идею сформулировал также Н.А. Бердяев.

В наши дни тезис о недостатке «срединной культуры» в России воспринимается как данность, однако интерпретируется она разными исследователями по-разному. С точки зрения православного радикализма «срединная культура» лишена сакрального начала и способна оправдать любое зло. Русская же культура достигла высоких рубежей, так как благодаря мудрости Божьей была всегда заключена в границы житейского неблагополучия, страдания и скорби [15, с. 156-163]. Подобные суждения подтверждают оценки фундаментализма как «рационализацию ретроспективности» [5, с. 132], рационализацию в чисто техническом, прикладном смысле, которая практически всегда деструктивна. По мнению авторов, философия Серебряного века более проникательно оценила проблему недостатка «срединной культуры» как одно из неизбежных негативных последствий русского максимализма, который иллюстрируется выражением «или все, или ничего». Этот принцип не менее опасен, чем традиционно ненавидимое в России интеллектуальной элитой мещанское благополучие, покоящееся в недрах «срединной культуры».

Н.А. Бердяев рассматривал в качестве причины русской революции мессианский характер русского народа. Он указывал на тесную взаимосвязь мессианства и имперских устремлений: «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского государства, с исключительным значением русского царя. Империалистический соблазн входит в мессианское сознание» [2, с. 87]. История Советского Союза и России в период после революций 1917 года предоставила достаточно подтверждений того, что мессианизм является универсальной характеристикой русского менталитета. Утрата религиозного фундамента мессианизма не привела к разрушению его идеи. Так, атеистическая коммунистическая идеология имела очевидную мессианскую компоненту. Н.А. Бердяев подчеркивал, что успех коммунистического учения определен именно его мессианской составляющей. Большевики построили Третий Интернационал в концепцию «Москва - Третий Рим», подменили идею Царства Божьего коммунизмом - обществом всеобщего счастья, и это обеспечило им необходимую для захвата власти поддержку. Этот механизм подмены можно считать успешной манипуляцией массовым сознанием, поскольку его использование обеспечило успех самого масштабного политического эксперимента XX века. При этом потребители данной подмены не знали о его возможных последствиях.

Альтернативный сценарий развития событий мог бы состояться, хотя, как известно, история не терпит сослагательного наклонения, если бы российское общество приняло в качестве цели исторического развития не мифологическую конструкцию подмены «Третьего Рима на Третий Интернационал», а рациональный компромисс между либеральной и консервативно-религиозной идеологией.

Одним из первых представителей либерализма к идее синтеза религиозно-консервативных и либеральных идей обратился П.Б. Струве. Для него понятия консервативного либерализма и либерального консерватизма во многом схожи, по сути, тождественны. Он акцентирует свое внимание не на политической аксиологии либерализма и консерватизма, а на политической праксиологии. По мнению Струве, их общность состоит в признании эволюционных методов реорганизации общества, а различия проходят по линии неприятия крайних позиций - позиций радикалов и реакционеров. Струве убежден, что ценности и либерализма, и консерватизма религиозны по своей природе. И если консерватизм выстраивает свое ценностное ядро вокруг понятия власти, то либеральная идея акцентирована на признании как религиозной ценности ценности индивидуальной свободы личности. «Первое слово либерализма было свобода совести», - писал он. Либеральная идея возникла в ответ на запросы религиозного сознания, постепенно наполняясь политико-правовым и экономическим содержанием, либеральная идея «секуляризовалась и нуждается в новом наполнении христианским содержанием. Необходимо наполнить ее идеей «личного подвига и личной ответственности», а это идеи консервативно-религиозного порядка. Они имеют действительную силу только в случае их религиозного санкционирования. Как отмечает Н.М.Зернов, Струве наряду с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым и С.Л. Франком олицетворял «путь ордена русской интеллигенции, начав его с марксизма и завершив христианством» [6, с. 38].

Сформулированная Струве основная проблема русской общественной мысли такова: общественный порядок или личная свобода является, по сути, основной проблемой равновесия либеральных и консервативных начал в общественном развитии. Струве писал: «Перед русской общественной мыслью с первых времен ее зарождения стали: проблема освобождения лица и упорядочения государственного властвования, введения его в рамки правомерности и соответствия с потребностями и желаниями населения». Попытка найти некое устойчивое равновесие между индивидуальной свободой и общественной необходимостью в истории русской общественной мысли шло в двух направлениях консервативном и либеральном. Струве предлагал свой вариант сближения синтеза этих направлений. Важным, в методологическом отношении, для уяснения сущности синтеза либерализма и консерватизма Струве считал содержательный анализ этих понятий. «Либерализм означает идейно и духовно, психологически и исторически утверждение неотъемлемых прав личности, неотъемлемых в том смысле, что они не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц, принадлежащих к тому же или другому национальному (=государственному) общению» [12, с. 131, 132].

Консерватизм же, исходя из своего понятийного содержания, не имеет самостоятельного ценностного ядра. По мнению Струве, консерватизм «есть чисто формальное понятие, могущее вмещать в себя какое угодно содержание; основная суть его в «прикреплении» идеи консервации, или «охранения... к каким-то определенным содержаниям». Так, «либеральный консерватизм может означать, прежде всего, утверждение незыблемых прав лица, то есть прикрепление идеи консервации, или охранения, к этим правам. Демократический консерватизм есть приурочение той же идеи к началу народовластия». В статье «Демократия и консерватизм», развивая тему соотношения либеральных и консервативных начал в логике общественного развития, Струве подчеркивал, что «демократия, в смысле системы учреждений, может прочно держаться и функционировать лишь там где консервативен сам народ». «Подлинным пафосом консерватизма», по мнению мыслителя, является «государственность как утверждение всенародного единства, или соборной личности народа, и против классовых поползновений, и против безоглядных притязаний личности, т.е. против чрезмерностей коллективизма и против крайностей индивидуализма». Консерватизм и либерализм неизбежно пересекаются и восполняют крайности друг друга, «ибо, как без свободы лица невозможна крепость современного государства, так без крепости государства как всенародного единства, невозможна свобода лица. Вот почему формула "либеральный консерватизм" получает в наше время широкий и глубокий смысл, который, быть может, не был ей присущ с такой ясностью в прошлые эпохи». Можно согласиться и с Н.П. Полторацким, и с А.А. Ермичевым. Первый назвал Струве «религиозным государственнымником», а Ермичев, развивая эту

мысль, пишет: «Именно эта связь - государства и религии - является содержательно-основополагающей в формуле "либеральный консерватизм". Ею, этой связью, фиксируется единство ценностного начала консерватизма (религии) и прагматического политико-правового начала либерализма (закон, государство)» [4, с. 42].

Содержательно либеральный консерватизм включает в себя идею синтеза институциональных форм либеральной демократии и ценностей консерватизма. Практическое воплощение этой идеи требовало постепенного приобщения к государственной власти всех социальных слоев, и прежде всего формирования так необходимого России как в начале века XX, так и в настоящее время «срединного сословия». Носителя новой политической культуры, культуры «гражданства», а не «подданничества», в которой соединились бы утверждение неотъемлемых прав личности и демократизация управления. «В развитии русского либерализма демократические тенденции являются и прочной исторической традицией, и насущной практической необходимостью, - писал Струве. - Прогрессивное развитие русского земства давно уже наметило в этом отношении путь, по которому следует идти: это путь, чуждый классовых ограничений и предрассудков и определяющийся бессловесным общественным мнением» [13, с. 346].

Струве был не только философом и публицистом, он сыграл важную роль в конституционном процессе в России. Вкладывая в либерализм христианское содержание, он опытом своей практической деятельности подтверждал один из ключевых христианских принципов - «вера без дел мертва». Он активно включался в политические процессы начала XX века, будучи убежденным: защита прав личности и демократические институты смогут сформировать новую политическую культуру России и нового гражданина. В силу своей гражданской позиции он стал одним из основателей конституционно-демократической партии, членом Государственной думы. В 1906 г. была принята программа конституционно-демократической партии, включавшая многие, самые передовые для того времени, идеи либерализма. В частности, в ней предусматривались такие нормы правового государства, как равенство перед законом, отделение церкви от государства, свобода мысли, собраний, печати.

Акцент в программе был сделан на положениях, защищающих личность и частную собственность от вмешательства государства. Без законодательного закрепления этого принципа, ключевого для либерализма, невозможно сформировать средний класс и гражданскую политическую культуру. Принципиальное значение для утверждения этих принципов имел проект государственного устройства на основе народного представительства, парламента, избираемого всеобщим тайным голосованием.

Вместе со Струве к проблеме синтеза либерализма и консерватизма обращался и Семен Людвигович Франк. В работе «Духовные основы общества» он развивает тему диалектического единства либерализма и консерватизма. Он указывает, что начала творчества и консервации дополняют друг друга, это два вектора любого эволюционного процесса.

«Носителем традиции, начала устойчивости и непрерывности общественного бытия является общественное единство, общество, как целое, тогда как носителем временной изменчивости, творческой активности становится отдельная личность в лице ее индивидуальной свободы». Синтез либерального и консервативного начал составляет неперемное условие общественного бытия, «общественная жизнь всегда стоит перед задачей установления гармонического равновесия между ними, и учение о нормативных принципах общественного устройства имеет здесь одну из самых существенных проблем, подлежащих его рассмотрению».

Общественный порядок, ориентированный на безграничную свободу, так же неустойчив, как и порядок «охранительный». Попытка создания общественного порядка на основе одного из этих начал невозможна, так как «охранение» и свобода - это две стороны одного процесса.

Невозможно устранить ни один из них в пользу другого. Поэтому «вопрос может идти только о наиболее адекватном, целесообразном и планомерно-сознательном использовании каждого из них» [14, с. 402-418].

На рубеже XX и XXI веков Россия снова стоит перед дилеммой «порядок или свобода». На сегодняшний день выбор делается не в пользу последней. Поэтому вновь актуальным и становится обращение к опыту мыслителей начала XX века, поскольку свободе, как и порядку, надо учиться, а христианская свобода предполагает индивидуальную ответственность за собственный выбор. Видимо, уроки века XX не были хорошо усвоены. Сегодня практически не поднимается тема перспектив либерализма в современной России, за исключением немногих авторов. Так, Г. Розмозер, оценивая различные модели выхода России из кризиса, утверждает, что «Россия должна соединить экономический либерализм с духовно-культурным консерватизмом» [10, с. 22]. Необходимо возвращение консервативных образов, коими являются возрождение национального сознания, возвращение истории, учет религиозного фактора в политике. Розмозер подчеркивает, что «если в России у либерализма вообще есть будущее, то ему придется ужиться с просвещенным консерватизмом» [11, с. 35]. С этим высказыванием Розмозера можно согласится и уточнить, что чем больше либерализм связан с национальным самоопределением и проблемами модернизации общества, тем больше он содержит идей консерватизма.

Комплексный анализ этих направлений чрезвычайно важен в контексте сегодняшнего спора о том, какая из систем ценностей наиболее адекватна нынешней ситуации, возможен ли их синтез и на каких основаниях. Если попытаться сформулировать специфику современного консервативно-либерального синтеза, то следует признать, что она заключается в стремлении воплотить либеральные идеи через обращение к массовым ценностям. Такими укорененными в массовом сознании ценностями являются ценности социального либерализма, с его идеей экономических гарантий прав и свобод гражданина со стороны государства, идеей взаимных прав и обязанностей между гражданином и государством, когда каждое лицо имеет право требовать от государства минимума социальных благ (получения образования, медицинской помощи, пенсий, пособий и т.д.). А государство системой «положительных действий» обязано гарантировать реализацию этого права не только на уровне общества в целом, но и на уровне конкретной личности.

Современные исследователи Серебряного века сформулировали идею о том, что российская эмиграция была разделена на две основные группы по критерию оценки причин революции. К первой группе относятся условные традиционалисты. В эту группу можно включить многих последователей евразийства, Н. Трубецкого, П. Савицкого и других. Эти авторы рассматривали в качестве основных причин революции внешние факторы. Для России традиционным внешним фактором было влияние Европы, в частности влияние европейской культуры на русскую интеллектуальную традицию и экономику. Необходимо отметить актуализацию идеи внешнего влияния в современных условиях возрождения российского мессианства.

Второе направление представлено Н.А. Бердяевым, В. Зеньковским, Ф. Степуном, П.Б. Струве. Эти авторы рассматривали в качестве источников революции внутренние факторы. Среди них противоречия государства и общества, низкая авторитетность объединяющих институтов, например церкви, антигосударственные установки значительной части интеллигенции. Некоторые представители данной группы признавали сочетание внешних и внутренних факторов российского кризиса. П.Б. Струве, считавший большевистскую революцию «поражительной катастрофой», анализируя ее причины, исходил из наличия разрушительного сочетания внутренних и внешних факторов. Он выделил четыре группы причин, благоприятствовавших коммунистическому перевороту: геополитические, экономические, национально-культурные, социальные. Безусловно, можно спорить не только об использованных им терминах, но и о самом смысловом ряде данных факторов. Однако идея сочетания различных факторов и их взаимного усиления как причина масштабных социально-политических потрясений, безусловно, продуктивна.

Таким образом, философы Серебряного века предложили в результате осмысления российской действительности начала XX века несколько продуктивных идей, не потерявших актуальность в настоящее время. Среди них, например, идея сильного влияния социально-культурных факторов, в том числе уникальных, на модели протестного поведения больших социальных групп.

Русские философы были сосредоточены на изучении особенностей российского общественного сознания, в силу чего придавали большое значение социально-культурным факторам масштабных общественных кризисов. Акцент на субъективных причинах революционных потрясений в эпоху увлеченности ученых экономическими теориями был особенностью русского Серебряного века. Данный подход опередил свое время и был востребован несколько позже, на новом витке общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Белый А. Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. - М., 1994. - С. 18-24.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. - СПб.: Азбука-классика, 2008. - С. 87.
3. Бердяев Н.А. О культуре // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т.1. - М., 1994. - С. 523-530.
4. Вече. Альманах русской философии и культуры. - Вып. 3. - 1995 с. 42.
5. Игумен Вениамин (Новик). Актуальные проблемы российского православного церковного сознания // Вопросы философии. - 1999. - № 2. - С. 128-141.
6. Зернов Н.М. Русское духовное возрождение XX века. // Цит. по: Вече. - СПб., 1997. - С. 38.
7. Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. - М., 1991. - С. 237-360.
8. Розмозер Г. Пути либерализма в России // Полис. - 1993. - № 1. - С. 35.
9. Розмозер Г. К вопросу о будущем России // Вопросы философии. - 1993. - № 4. - С. 22.
10. Струве П.Б. Оздоровление власти // Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. - М., 1997.
11. Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // - Полис. - № 3. - 1994. - С. 131, 132.
12. Струве П.Б. Политика либеральной партии // Освобождение. - 1904. - 19 марта (1 ля). - № 20. - С. 346.
13. Франк С.Л. Духовные основы общества. Гл. 4. Консерватизм и творчество в общественной жизни // Русское зарубежье. - Л., 1991. - С. 402-418.
14. Фролов А.С. Тревоги и надежды русской культуры (к вопросу о соотношении духовного и материального в национальном интересе) / Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России. - М., 1997. - С. 156-163.
15. Шелохаев В., Тютюхин С. Как Россия пришла к революции // Альманах «Восток». - Вып. № 11(23), ноябрь 2004. [Электронный ресурс] - http://www.situation.ru/app/j_art_671.htm

REFERENCES

1. Beliy A. Problema kul'tury. [Problem of culture]. In: Beliy A. Symbolism as world understanding. Moscow, 1994. Pp. 18-24.
2. Berdyaev N. Russkaja ideja. [Russian idea]. SPb.: Azbuka-Klassika, 2008. P. 87.
3. Berdyaev N. O kul'ture. [Cultural Essay]. In: Berdyaev N.A philosophy of creativity, culture and art. Vol. 1, Wiley, 1994. Pp. 523-530.
4. Veche. Al'manah russkoj filosofii i kul'tury. [Veche. The almanac of Russian philosophy and culture]. Vol. 3, 1995. P. 42.
5. Hegumen Veniamin (Novik). Aktual'nye problemy rossijskogo pravoslavnogo cerkovnogo soznani-ja. [Actual problems of the Russian Orthodox Church consciousness]. Philosophy Questions. 1999. No. 2. Pp. 128-141.
6. Zernov N.M. Russkoe duhovnoe vozrozhdenie XX veka. [Russian spiritual revival of the twentieth century]. Op. by: Veche. SPb 1997. P. 38.
7. Lossky N. Harakter russkogo naroda. [About the character of Russian people]. Terms of absolute good. Moscow, 1991. Pp. 237-360.
8. Romoser G. Puti liberalizma v Rossii. [Way of liberalism in Russia]. Polis. 1993. No. 1. P. 35.
9. Romoser G. K voprosu o budushhem Rossii. [To the question about the future of Russia]. Problems of Philosophy, 1993. No. 4. P. 22.
10. Struve P.B. Ozdorovlenie vlasti. [Improvement of power]. In: Struve P.B. Patriotica. Politics, culture, religion, socialism. Moscow, 1997.
11. Struve P.B. O mere i granicah liberal'nogo konservatizma. [On the measure and limits of liberal conservatism]. Polis. No. 3. 1994. Pp. 131,132.

12. Struve P.B. Politika liberal'noj partii. [Policy of the liberal party]. Release. 1904. March 19 (April 1). No. 20. P. 346.
13. Frank S.L. Duhovnye osnovy obshchestva. Gl. 4. Konservatizm i tvorchestvo v obshchestvennoj zhizni. [Spiritual foundations of society. GL. 4. Conservatism and creativity in public life]. Russian abroad. SPb. 1991. Pp. 402-418.
14. Frolov A.S. Trevogi i nadezhdy russkoj kul'tury (k voprosu o sootnoshenii duhovnogo i material'nogo v nacional'nom interese). [Anxieties and hopes of Russian culture (to the question of the relationship between the spiritual and the material in the national interest)]. National interests of the Russian people and the demographic situation in Russia. Moscow, 1997. Pp. 156-163.
15. Shelokhaev V., Tyutiukhin S. Kak Rossiya prishla k revoliucii. [How did Russia come to the revolution]. Almanac "Vostok". Vol. No. 11 (23), November 2004. Available at: URL: http://www.situation.ru/app/j_art_671.htm

Информация об авторе:

Рогочая Галина Петровна, кандидат философских наук, доцент, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
rogochayagp@rambler.ru

Савва Елена Владимировна, кандидат философских наук, доцент, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
ev.savva@yandex.ru

Получена: 11.05.2017

Для цитирования: Рогочая Г.П., Савва Е.В. Культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 3. Часть 1. с. 15-22.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22.

Information about the author:

Galina P. Rogochaya, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Political Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia
rogochayagp@rambler.ru

Elena V. Savva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Political Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia
ev.savva@yandex.ru

Received: 11.05.2017

For citation: Rogochaya G.P., Savva E. V. Cultural factors of the Russian revolutions in the reflection of the philosophers of the Silver age. Historical and Social Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.3. Part. 1. Pp. 15-22.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22. (in Russian)